

УДК 37.014.22. (57.54)

Особенности ликвидации неграмотности взрослого населения в 1920-х гг. в национальных районах Сибири (на примере Бурят-Монгольской АССР)

Б.Б. Цыретарова

Бурятский республиканский институт образовательной политики, ул. Советская 30, Улан-Удэ, Республика Бурятия, Россия

bayarma7a@mail.ru

Статья поступила 22.10.2016, принята 16.12.2016

Автор приводит обобщенную характеристику одной из самых острых для коренного населения Сибири социальных проблем 20-х гг. XX в. — неграмотности. Принятый в 1919 г. Декрет Совнаркома «О ликвидации безграмотности в РСФСР» положил начало организации обучения населения национальных окраин России. В статье рассматривается деятельность государственных, партийных и общественных организаций Бурят-Монгольской АССР в борьбе с массовой неграмотностью. Раскрыты особенности этой работы в период создания национальной республики, проанализированы проблемы, возникавшие в ходе кампании по ликвидации неграмотности.

Ключевые слова: ликвидация неграмотности; социальная политика; народное образование.

Features of illiteracy elimination among adult population in the 1920s in the national regions of Siberia (on the example of the Buryat-Mongolian ASSR)

B.B. Tsyretarova

Buryat Republican Institute of Educational Policy; 30, Sovetskaya St., Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia bayarma7a@mail.ru

Received 22.10.2016, accepted 16.12.2016

The article is devoted to illiteracy as one of the most acute social problems of the 1920s of XX century. Adopted in 1919, the Decree of the Council of Peoples Commissars "About Illiteracy Elimination in RSFSR" initiated an organized elimination of illiteracy among Russian racial minorities. The activities of state, party and public organizations of the Buryat-Mongolian ASSR in the struggle against mass illiteracy are described. The features of illiteracy elimination in the period of republic creation are revealed. The problems arisen in the course of the illiteracy elimination campaign are analyzed.

Key words: illiteracy elimination; social policy; public education.

В 20-х гг. XX в. одной из острых социальных проблем в сфере образования являлась неграмотность. В начале XX в. грамотность населения Бурят-Монгольской АССР была крайне низкой даже по сравнению с соседними регионами. Грамотность среди бурят Иркутской губернии едва доходила до 5,2 %; среди забайкальских бурят — 8,4 % [1].

Женщины-бурятки были почти поголовно неграмотны.

Борьба с неграмотностью началась с принятием декрета Совнаркома о ликвидации неграмотности среди населения России от 26 декабря 1919 г. Согласно документу граждане в возрасте от 8 до 50 лет, не умеющие читать и писать, в обязательном порядке

обучались этому на родном или русском языке с целью «сознательно участвовать» в политической жизни страны.

Народному комиссариату просвещения (Наркомпрос) и его местным органам предоставлялось право привлекать к обучению неграмотных все общественные организации, а также все грамотное население страны в порядке трудовой повинности [2].

В целях реализации данного закона при Наркомпросе была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия по ликвидации безграмотности (ВЧКЛБ). Позже такие комиссии появились на местах. Цель комиссии — наблюдение за выполнением постановлений ВЧКЛБ, координация всех работ по ликвидации безграмотности, организационная и инструкторская работа на местах, подготовка инструкторов, составление планов и смет финансирования и снабжения учреждений, составление отчетности о ходе работ по ликвидации безграмотности и т. д. [3].

В Бурятии подобная комиссия была организована при Наркомпросе БМАССР в соответствии с постановлением Совнаркома БМАССР от 6 февраля 1929 г. № 496. В состав комиссии вошли представители БЦИКа, Бурятского совета профсоюзов (БСПС), Буркоопсоюза, Колхозсоюза, Облпроса, Общества «Долой неграмотность!», Обкома ВКП(б), ВЛКСМ и Наркомпроса. Согласно постановлению ВЧКЛБ во всех аймаках создавались аймачные особые комиссии по ликвидации неграмотности при аймисполкомах [4].

В июне 1923 г. на II Всероссийском съезде по ликвидации неграмотности было принято решение, одобренное ЦК ВКП(б), о ликвидации неграмотности среди населения РСФСР в возрасте от 18 до 35 лет к 10-й годовщине Октябрьской революции.

В августе 1923 г. был издан декрет ВЦИК и СНК «О ликвидации неграмотности», где эта работа признавалась «наиболее важной и ударной задачей народного просвещения в настоящих условиях, тесно связанной с хозяйственным возрождением страны».

Кампания по ликвидации неграмотности в Бурятии широко развернулась после создания республики 30 мая 1923 г. В БМАССР началась массовая разъяснительная работа среди населения, создавались пункты ликвидации неграмотности (ликпункты).

Люди постигали первоначальные азы грамотности в ликпунктах (в простонародье — ликбезы), которые являлись первой ступенью обучения взрослых. К маю 1924 г. было открыто и работало 46 ликпунктов, где обучалось 849 чел. [5]. На 1 сентября 1925 г. в БМАССР функционировало уже 58 бюджетных и 139 внебюджетных ликпунктов, в том числе 86 на бурятском языке. В ликпунктах обучалось 7 878 неграмотных, из них завершили обучение 4 606, т. е. 62 %. Преподавание вели 217 учителей, из них 94 на бурятском языке. В 1925-1926 гг. предполагалось охватить ликпунктами 19 тыс. чел. [6].

В ликпунктах в течение 3-4-х месяцев обучали чтению, письму и счету, проводилась политико-воспитательная работа, разъяснялись основные вопросы строительства советского государства. Содержание учебных программ должно было включать примеры из современной жизни с учетом особенностей текущей политической и экономической ситуации.

Судя по архивным документам, у местного населения была сильна тяга к просвещению. Ликпункты открывались по желанию и настоянию самих людей. Буряты проявляли особую активность: содержали ликпункты за свой счет, ездили на занятия за 10–15 верст, и женщины посещали школу наравне с мужчинами.

Особенности быта бурятского населения обусловили появление такой формы работы, как хотонные школы. Хотон — это небольшое поселение бурят. В один из хотонов, где находилась школа, раза в неделю съезжались учащиеся из других хотонов в радиусе 15 верст или, наоборот, учитель из центрального хотона проводил занятия в близлежащих населенных пунктах поочередно. Учителей выбирали из числа грамотных на общих собраниях жителей. Хотонные школы были одной из форм индивидуально-группового обучения, получившего в Бурятии довольно широкое распространение. Например, в 1926 г. в Агинском аймаке насчитывалась 81 школа, где обучались 1 359 чел., в Боханском аймаке было 62 школы [7].

Но не всегда население обучалось грамоте охотно и добровольно. Отказ от обучения мог повлечь за собой дисциплинарную или судебную ответственность. Использовались

методы административного воздействия на уклоняющихся от посещения ликпунктов в виде штрафов, принудительных работ, вызова для объяснений за 20–30 верст и даже описи имущества. Уклоняющиеся от обучения и препятствующие неграмотным посещать школы привлекались к уголовной ответственности.

Знания по основным предметам начального образования, полученные в ликпунктах, закреплялись и углублялись в школах для малограмотных. По количеству школы значительно уступали ликпунктам: в 1924 г. в республике работала только одна школа для малограмотных, в 1925 г. насчитывалось всего 18 школ [8].

За три года, благодаря проводимым мероприятиям, грамотность населения БМАССР выросла до 29,83 % (в том числе западных бурят — до 28,8 %, восточных — до 20,0 %) [9], однако созданная сеть ликпунктов и школ не позволяла охватить все неграмотное население республики.

Слабые темпы ликвидации неграмотности объяснялись несколькими причинами. В частности, сказывалось отсутствие в должном количестве национальных кадров, способных работать в ликпунктах, остро стояли вопросы о выделении помещений, обеспечении учебниками, письменными принадлежностями и т. п. В сельской местности ликпункты работали только в зимний период, с началом весенней посевной кампании учеба прекращалась.

Среди других причин можно назвать территориальный фактор — у бурят и эвенков, ведущих полукочевой образ жизни, населенные пункты находились на большом расстоянии друг от друга. Сказывался и тот факт, что у большинства работников просвещения не было ни навыков, ни сложившихся традиций, не говоря уже об учебной литературе, для обучения на родном языке. Русское старообрядческое «семейское» население, составлявшее менее шестой части всего населения республики, вообще не признавало советской школы [10]. Для исправления ситуации проводилась массовая разъяснительная работа через печать, учреждения политпросвета, выпускались газеты и агитационные плакаты, проводились дни пропаганды, собрания и беседы, где взрос-

лое население информировалось о пользе грамоты.

К участию в ликвидации неграмотности привлекались широкая общественность, включая комсомольские, профсоюзные и кооперативные организации, женсоветы и местные Советы. В 1923 г. было создано Всероссийское добровольное общество «Долой неграмотность!» (ОДН), 22 апреля 1924 г. появилось его территориальное отделение, которое возглавил председатель ЦИК БМАССР М.И. Амагаев. На инициативном собрании общества в Верхнеудинске были определены задачи территориального отделения: «оказание всемерного содействия организациям, ведущим ликвидацию неграмотности, организация школ и групп по ликвидации неграмотности, митингов, лекций, бесед, выставок, издание агитационных материалов и содействие массовому распространению изданий и т. д.» [11].

Бюджет ОДН формировался из членских взносов и добровольных пожертвований, а также от продажи значков и билетов на различные культурные мероприятия, организуемые ячейками ОДН. 14 декабря 1923 г. ЦИК и Совнарком СССР постановили ввести отчисления в пользу ликвидации неграмотности с патентов на право продажи вина, пива и табачных изделий [12].

С целью привлечения общественности к созданию ячеек ОДН в республике проводились массовые мероприятия.

В 1925/26 учебном году силами ОДН намечалось открыть 94 ликпункта, однако план удалось реализовать только на 57 %, было открыто 54 ликпункта. Слабое развитие сети ликпунктов объяснялось двумя причинами: во-первых, полным отсутствием средств у аймотделений и ячеек ОДН и, во-вторых, тем фактом, что эти отделения и ячейки существовали лишь формально [13].

Изначально сеть ликпунктов формировалась из расчета 25 чел. на одну группу ликпункта, на самом деле на одну группу приходилось в среднем 19 чел. Низкая наполняемость объяснялась в первую очередь тем, что большинство аймаков испытывало нехватку инспекторов политпросвета, которые проводили организационную работу. Нельзя не учитывать и особенности Бурятии географического и этнического свой-

ства (малая плотность населения, наличие мелких поселений).

Являясь одним из наиболее отсталых регионов РСФСР, республика затрачивала значительные средства на ликвидацию неграмотности, причем основные финансовые расходы приходились на местный бюджет. Но даже притом, что подавляющая часть средств направлялась на места, потребности народного образования удовлетворялись не в полном объеме.

Изыскивались различные способы, чтобы компенсировать недостаток финансирования. Например, среди сельского населения распространяли крестьянский заем (процент от общей суммы распространенных облигаций оставался в местных бюджетах, и деньги необходимо было направить на культурное строительство улусов и деревень) [14]. Делались отчисления от подписки на заем индустриализации в размере не менее 15 % от средств, поступавших в бюджеты районных и аймачных исполкомов, горсоветов и сомсоветов.

Согласно плану пятилетней кампании по ликвидации неграмотности (1926–1931 гг.), для того чтобы полностью ликвидировать неграмотность населения БМАССР в возрасте от 17 до 35 лет, было необходимо 1 747 ликпунктов и 256 школ для малограмотных [15].

Учитывая особенности региона, в республике, особенно в скотоводческих районах, получила большое распространение индивидуально-групповая форма обучения. Как было сказано выше, помимо ликпунктов стали открываться школы для неграмотных и опорно-инструктивные школы, размещавшиеся в избах-читальнях, красных уголках, школах социального воспитания (Соцвоса) вокруг основного ликпункта.

Для наиболее эффективной работы по ликвидации неграмотности в каждом аймаке обязательно работала опорно-инструктивная школа, на селе — ликпункты с групповым и индивидуальным обучением, в восточных аймаках действовали хотонные школы как местная форма для ликвидации неграмотности. Существование других форм считалось нецелесообразным [16].

Кампания по ликвидации неграмотности проходила со значительными трудностями, при отсутствии необходимой материальной

базы, нехватке помещений, учебников, карандашей, бумаги. Особенно остро стояла проблема с кадровым обеспечением, поэтому для работы привлекали учителей (безработных и по совместительству), учащихся техникумов, фабрично-заводских училищ и всех школ до 2-й ступени включительно.

Кроме того, в ряды борцов с неграмотностью набирали «неорганизованное население» через бюро, которые были созданы при всех газетах, почтовых отделениях и ликпунктах. Основной формой подготовки работников для ликвидации неграмотности считались курсы, проводимые в летнее время. Особое внимание при подготовке кадров обращалось на повышение квалификации учителей-бурят. Учебные планы строились по трем разделам: производственно-краеведческому, политико-просветительному и педагогическому.

Труд учителей оплачивался неодинаково — где-то помесечно, а где-то за курс. Самая высокая месячная оплата составляла 27 р. 90 коп., оплата за курс — 40 р., учителя Соцвоса в большинстве случаев работали бесплатно. Кадровый состав также отличался неоднородностью: в бюджетных ликпунктах работало до 50 % самостоятельных работников, в несетевых — учителя Соцвоса [17].

Одна из основных причин слабых темпов ликвидации неграмотности связана с нехваткой и несоответствием помещений элементарным требованиям. В каждом аймаке встречались случаи, когда в школах отсутствовали столы, скамейки, хорошие лампы, классные доски, приходился один учебник на несколько человек. Из-за дефицита специальных учебников для взрослых использовались учебники для детских школ [18].

Таким образом, при всех усилиях и важной идеологической роли, которая отводилась ликвидации неграмотности, в 1920-е гг. не удалось достигнуть запланированных результатов. Помимо ряда причин, связанных с особенностями региона (большую часть населения составляли сельские жители; народы, населяющие республику, имели разный уровень развития; коренные народы вели полукочевой образ жизни), ситуация осложнялась слабой материально-технической базой, острой нехваткой финансовых средств и дефицитом квалифицированных

кадров, особенно национальных. Тем не менее, в сфере образования был накоплен большой опыт, который позволил повысить грамотность населения республики в последующий период.

Литература

1. Дуринов А.А. Народное образование в первые годы Советской власти // Народное образование Бурятской АССР за 40 лет: сб. статей [сост. С.Г. Дугаров, Д.Д. Дугар-Жабон]. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1964. С. 9.
2. Декрет о ликвидации неграмотности населения // ГАРФ (Гос. арх. Рос.Федерации). Ф. А 2314. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.
3. Положение о Губернских чрезвычайных комиссиях по ликбезграмотности // ГАРФ. Ф. 2314. Оп. 1. Д. 7. Л. 43.
4. О работе по ликвидации неграмотности : постановление СНК БМАССР №496 от 6 февраля 1929 г. // ГАРБ (Гос. арх. Рес. Бурятия). Ф. Р 195. Оп. 3. Д. 113 а. Л. 227.
5. Шагдуров В.Ш. Образование в Бурятии: прошлое, настоящее, будущее. Улан-Удэ: Бэлиг, 2007. Ч. 1. С. 24.
6. Номогоева В.В. Бурятия в 1920-1930-е гг.: опыт социально-культурной модернизации. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011. С. 145.
7. О работе по ликвидации неграмотности: отчет по Соцвосу Наркомпроса БМАССР за I квартал 1925/26 учеб. год // ГАРБ. Ф. Р475. Оп. 1. Д. 70. Л. 93.
8. О ликвидации неграмотности в Бурреспублике: доклад Наркомпроса БМАССР // ГАРФ. Ф. 1239. Оп. 120. Д. 110. Л. 47.
9. Грамотность населения Бурреспублики: сводный план по социально-культурному строительству БМАССР на 1928-1929 гг. // ГАРБ. Ф. Р 195. Оп. 3. Д. 107. Л. 112.
10. История Бурятской АССР. В 2 т. / под ред. П.Т. Хаптаева. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1959. Т. 2 С. 191.
11. Культурное строительство в Бурятской АССР. (1917-1981). Документы и материалы / сост. Г.Л. Санжиев, Г.М. Семина. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1983. С. 59.
12. Павлова Р.В. Общество «Долой неграмотность» и его роль в ликвидации неграмотности в Оренбуржье в 20–30-е гг. XX в. // Общество: философия, история, культура, 2014. № 1. С. 42
13. О работе по ликвидации неграмотности: отчет по Соцвосу Наркомпроса БМАССР за I квартал 1925/26 учеб. год // ГАРБ Ф. Р475. Оп. 1. Д. 70 Л. 93 об.
14. Новый заем принесет сельскому хозяйству улучшения // Бурят-Монгольская правда. 1928. 24 янв. С. 2.
15. О работе по ликвидации неграмотности: отчет по Соцвосу Наркомпроса БМАССР за I квартал 1925/26 учеб. год // ГАРБ Ф. Р475. Оп. 1. Д. 70 Л. 93 об.
16. Задачи ликвидации неграмотности и состояние работ по Бурреспублике: резолюция республ. конф. «Культурно-национальное строительство Бурятии» // ГАРФ. Ф. 1239. Оп. 120. Д. 110. Л. 52.
17. О работе по ликвидации неграмотности: отчет по Соцвосу Наркомпроса БМАССР за I квартал 1925/26 учеб. год // ГАРБ. Ф. Р475. Оп. 1. Д. 70. Л. 93.
18. Радио-беседа тов. Ангарова по вопросу ликбез работы на 1936 учеб. год // ГАРБ. Ф. Р 60. Оп. 3. Д. 221. Л. 48.